

Лариса Ковалевская
Офис ПиЗа

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лариса Алексеевна Ковалевская

Офис «ПиЗа»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56100323

SelfPub; 2020

Аннотация

Анонс симпатичного произведения от главного персонажа "Офис ПиЗа" – от Комара: "Если бы жить, как кто-нибудь другой!" – частенько гундите вы, когда у вас в жизни что-то не получается. У всех-то получается. А у вас – нет. Маленькая прискорбная печалинка. Мы неудачники, – думаете о себе вы. Иллюзорники! – думаю о вас я. Иллюзорники – это как беспризорники. Только у беспризорников дома нет, а у вас веры в себя нет, самоуважения нет и самопрославления себя нет. Впрочем, как и у моего друзяшки Сани. Он главный (естественно после меня) герой этого симпатичного произведения. Саня – бородатый пожилой мальчик, который рано женился и уехал жить за границу, в американскую мечту, но через пару лет вернулся в своё родное "ничего" и познакомился со мной, с Комаром, который через укусы и кровушку передаёт не только болезни, но и доминирующую эмоцию, доминирующее чувство предыдущего укушенного следующему укушенному мной... Ну а дальше... узнаете сами!

Содержит нецензурную брань.

Глава 1

Осень! Почему ты меня не любишь? А? Вот я, например, тебя люблю. Люблю. Куртку себе купил... для тебя. Куртка черная, лаковая такая, выглядит как мусорный пакЭт, хотя стоит дороже. Я не сэкономил на тебе, Осень, не-а. Выбрал куртку – мусорный пакЭт, так как знаю, что ты меня, Осень, выкинешь, как всегда, на свою «сезонную» мусорку. Каждая ТЫ, каждая Осень приносит мне, то есть, нет, выносит, выбрасывает меня, как очистки от гнилой картошки, в мусорный бак – и я остальные сезоны вынужден выкарабкиваться из него, из этого бака, пока меня не переработали.

Не хочу сказать, что люблю Лето. Вовсе нет. Нет, не люблю потное солнце его. Не люблю Зиму. Зима – это «снежинковский» Mortal Kombat. Да, снежинки тоже дерутся, как люди. Дерутся, падая с неба. Дерутся за то, чтобы упасть вниз и исчезнуть, растаять. А сталкивает ведь их ветер. Интересно, они догадываются об этом? Или думают, что дерутся сами по себе, по своему велению.

Ветер поддерживает их жизнь на какое-то время, на время «до земли». Поддерживает небескорыстно, они нужны ему для красивого боя между собой, для батла, в котором победивший будет оставаться победителем всего лишь несколько секунд, а затем присоединится к проигравшему на асфальте и исчезнет. Ветер – вот кто единственный тайный и вечный победитель. Истинные победители в большинстве случаев остаются тайными. Так интереснее играть. Никогда не

знаешь, кто и что перед тобой. Все, как в жизни людей.

Знаете, снежинки – такие же тупые, как некоторые люди... тупые, как и я. Люди других людей воспринимают так, как воспринимают снег, падающие снежинки. Смотрите. Снежинки можно ненавидеть, не переносить, так как они мешают идти, лезут в лицо, лезут везде... Можно игнорировать. Падают себе, ну и пусть падают. Идет снег – «та хай буде». Можно смотреть, как они падают и разбиваются – радоваться или огорчаться этому. Либо же рассматривать каждую из них, наслаждаться «кружением» (не крушением, ни в коем разе, что вы!), наслаждаться именно моментом парения их в воздухе, не замечая, не обращая внимания, закрывая глаза на итог – падение и исчезновение навсегда на асфальте.

Последний вариант самый романтичный и в то же время бездушно-циничный. Сначала все красиво-красиво, кружатся-кружатся, а потом «бац» – и на земле, а ты по ним семимильными шагами, топчешь, невзирая «на лица». Не задумываться об итоге, не замечать ничего такого, что тебе может не понравиться... это попадалово. Я уж знаю, отгреб от тебя по полной, Осень... три года назад. Хотя, конечно, сперва все круто, когда не замечаешь других, не замечаешь плохого, быстро идешь вперед. Правда, в какой «перед». Я вам расскажу.

Меня зовут Александр, то есть победитель. В своей жизни я победил... победил... Ничего не победил. Победа над

ветрянкой считается? Победа в конкурсе «Мивина» – лучшая вермишель», получил часы настенные в подарок. Победа? Скажете, у других и такого не было, некоторые еще хуже живут. Скажите. Все равно ваше мнение никого не интересует. Приучил собачку жены к туалету. Вот! Это победа. Хотя... жену не приучил. Срет везде... и словесно и несловесно. Трех остальных собачек не приучил...

А... еще мне двадцать три года, да. И у меня жена, недосанитарка в Америке. Пытается окончить курсы медсестер. Пытается окончить и закончить пьянки-гулянки, пытается пытать меня (это получается). Заставила подарить ей четырех чихуахуа. Теперь я убираю за ними, косички-бантики им плету, чтоб с ума не сойти... Релаксирую так. Денег на массаж нет, на антидепрессанты тоже. А собачки и завязочки для косичек бесплатно, почти бесплатно и всегда под рукой... ногой, повсюду шерсть эта. Я работал на стройке в Америке. А в Украине недозакончил «международные отношения» в универе, да, но диплом получил. Заочно. Папа универ проплатил, а я... Сказал, что меня ждет Америка, плюнул на папу, на его деньги, женился по расчету, свалил за бугор, думал, что я Элайджа Вуд. «Властелин колец». Так меня в школе называли, а оказалось, что я всего лишь «Властелин капец».

Что ж, в данный момент я снова вернулся в Украину. Вернулся навсегда, достали, суки, дома там... Я о собаках, наверно, наверно, именно о них. Сейчас меня ждет украинская

квартира, ну что, Саня, заходи.

Квартира в Украине мне досталась от мамы... Нет, она жива, ничего такого. Просто она живет у своего бойфренда сейчас, которому столько же лет, сколько и мне. У меня гармоничная семья. Почти во всем гармония, симметрия и синхронизм. Папиной герлфренд тоже двадцать три.

Только вот брат мой Гоша, который раньше жил в этой квартире, не вписывается в эту гармонию что-то. Ему тридцать три. Я не знаю, где он, что он, с кем. Он у нас эфемерная субстанция. Появляется и исчезает. Не знаю-не знаю, может, его уже и не существует, хотя запахец в квартире-то остался. И что он тут делал, а? Грязь, вонь, бензином тянет или чем там. Ремонт остался, как при нашем детстве. Ковры на стенах и креслах, олени на коврах... Пыльно. Все отвечает Гоше.

Ему нужно было родиться пылью. Идеальной бы жизнь была. Ты есть везде, падаешь и остаешься, тебя вытирают, а ты через часок снова на месте. Рад и счастлив, против тебя борются, а ты непобедимый аллерген, остаешься на всех поверхностях, не важно, горизонтальные они или вертикальные.

Боже, какую я характеристику братцу придумал. Может, он действительно у меня не человек, а пыль. Квартира ущербна. Желтые пятна повсеместно, оторваны обои, ржавые батареи... Но я ничего исправлять не буду. Материальное же не главное в жизни, да и я не эстет. Пойду посмотрю

на гараж.

Вышел из подъезда, и на подходе к гаражу меня позвали:

– Сань, ты че, приехал?

– Дронь, ничего себе! Приехал... Слушай, счастлив тебя видеть. Серьезно. Меня аж распирает!

– Я тоже рад. Сядем где-нибудь на лавке во дворе поболтаем.

– Ага, слушай... Помнишь, как мы в школе дружили, в универе... Ну, пока я не уехал в Америку.

– Помню-помню. Ты меня первым Дроней назвал. Клич такой мне сделал. Я до сих пор Дроня. Для всех. Андрей – скучно и официально. Когда кто-то называет меня Андреем, я понимаю, что этот человек не мой, незнаком, не близок мне. Соблюдаю дистанцию... А ты, небось, вернулся, чтобы бизнес, бизнуху какую раскрутить? Заработал много бабла, обчистил америкосов, надеюсь?

– Не, ты что. Практически ничего не заработал. Все Вера отбирает. Жена. В общем, я сюда, по ходу, навсегда приехал. А ты в наш двор перебрался? Давно тут стал жить или в гости к кому пришел?

– Сань... встречака у меня тут скоро кое с кем... Говоришь, денег нет? Могу помочь, подкинуть, если и ты мне поможешь, конечно.

– Не вопрос, мы же друзья. Я рад, что ты поможешь. И я все сделаю в ответ. Из того, что делать могу... у меня практика на стройке три года. Вот...

– Молоток держать умеешь?

– Еще как! Ремонт сделать надо?

– Сань, молоток это тема правильная. Без молотка иногда и не поговоришь.

– В смысле, Дронь?

– Я тут дело одно делаю. Подгоняю «травушку» иль «по-рошочек», когда как, нуждающимся в этом людям. А они, эти «нуждающиеся», иногда денежку забывают отдать. А ты молоточком орудовать умеешь. Всекаешь?

– Дронь, это ты что-то «всек». Наркотой торгуешь?

– Че ты орешь?

– Дронь, да у твоего отца три ювелирных магазина. Он тебе один подарил. Нафига тебе мараться так. Ты же не беден.

– Объяснять тебе это надо? Магазины – дело отца. А у меня свое дело. Свободы хочу.

– Свободы? Та ты сядешь скоро.

– Ага, поговори тут. Может, расскажешь, че у тебя с твоим отцом, а? До сих пор в контрах? Поделись, по старой дружбе.

– У отца свой ресторанный бизнес, но мне от него подачек не надо. Ты знаешь. А вот наркотой я торговать бы никогда не стал. Да, с отцом до сих пор в ссоре. Он меня простить не может, что я уехал, женился. Ему ничего не сказал. А я чего уехал? Еще в одиннадцатом классе на каникулы он меня отправил к бабушке в Россию, в деревню. Я от «изобилия» нищеты деревенской охренел просто. Страх такой. От бабки сбежал, на свои деньги в Москву поехал. Денек там по-

гулял. Прогулял двести долларов на раз. Там цены нереальные. Да... после этого я и решил, что когда-нибудь в Америку свалю. Думал, что там лучше... и дешевле Москвы будет. А папа малолетнего шока моего от деревенской бабушкиной жизни не понял.

– Обижен на отца?

– Есть немного. Но он должен был меня понять.

– Хорошо все складывается как. Ты обижен на отца, ты на мели сейчас. Могу помочь, мои люди могут помочь.

– Господи, о чем ты? Чем?

– Твой отец стопроцентно в командировочки уезжает. Можем вещи из его квартиры «позаимствовать». Мои люди позаимствуют, а ты им половину этих вещей «подаришь». Не задаром же работать будут. А если папка в квартире будет... Ничего. Ты же на него обижен. Он тебя не простил. А детей нужно прощать и понимать, иначе обида и уничтожить может. Вгоняешь? Ты же отца не очень с детства любишь? К тому же не все люди доживают до старости.

– Пошел ты... Чтоб ты сдох. Не-не, чтоб ты сел. Чтобы тебя посадили и там тебе засадили.

– Не хочешь, как хочешь. Живи, нищий!

Боже, как люди меняются... Хотя нет, не меняются. Они и были такими. Я просто не хотел этого замечать. Дроня вырос в благополучной семье. Мама и папа много работали, отлично зарабатывали. Когда Дроне исполнилось восемнадцать лет, ему подарили шикарную машину. Очень дорогую.

В детстве он ходил на дзюдо, у него были самые дорогие шмотки и гаджеты. Не нуждался ни в чем. Все так думали, я так думал. Лишь бы не одно но. Это «но» – тварь он и мразь в душе. Оправдывает он себя легко, если кто узнает про его дешишки, если посадят либо же сумеют заглянуть в душу. Скажет следующее: «С детства я всегда помогал родителям. Во всем. Мыл полы, посуду, учился на отлично – это тоже помощь родителям. На меня оставляли младшую сестру. А она больна. Она глухонемая. Я все делал за нее, сидел с ней, время тратил, делал за нее домашнее задание. Даже кровать заправлял-застилал после нее. Она тоже могла все это делать. Могла, но родители ее холили. Ведь каличная родилась. Типа по их вине. После седьмого класса она подалась в модели. И теперь она у нас звезда. Звездище. Сидит все время рожу свою мажет для фотосъемок. А звездище она лишь потому, что я на нее свое детство убил. Помогал калеке. Родители, видите ли, не поддерживают теорию естественного отбора. Сдохла бы давно, и я не подался бы торговать наркотой, ибо чувствовал бы любовь и заботу родителей обо мне, **ОБО МНЕ!**»

Да, речь была бы именно такой. Типичный маньячина. А я закрывал на это глаза. И результат – мой чуть ли не лучший друг после трех лет «невиденья» мне заявляет, что можно грохнуть моего папашу, а денежку, вещички поделить. Я же знал, что он с ранних лет читал Стивена Кинга, фэнтези, был записан в сообщество «Славяне. Сверхлюди», писал

стихи о дьяволе и о боязливой любви к смерти. Он сектант, а я мудака. Ничего не хотел замечать. Радовался, что мы в одной касте – касте детей богатых родителей.

Я пошел в магазин, купил водку и энергетик. Выпил. Еще выпил. И еще. Вернулся домой, в одну из комнат квартиры, если точнее. И не возвращался из нее, из комнаты, из туалета, если точнее, примерно до утра. Не мог выйти из состояния стресса. Соответственно, алкоголь не мог выйти из меня, а я не мог выйти из туалета. Вот что делает супружеская трудовая американская жизнь. За эти три года я ни разу не бухал, не выпил ни капли спиртного. А все почему? Потому что на стройке выпившим не поработаешь. Нет, ну наши отечественные рабочие могут так, а я нет. Ведь мне после стройки собачек чихуахуевых Вериных кормить, выгуливать и подтирать. А они запах алкоголя ненавидят. Могут и сожрать-закусать-обкусать-обгавкать-обпищать меня. Хилый я. От укуса бы помер, точнее от страха из-за этого укуса. Трус. А от трусов воняет. Завонял я всю квартиру, скажем так.

Освежителя дома не было. Дома был только срач. Ну... ничего. Само выветрится. Пойду-ка я к своему гаражу.

На улице, в полунеочищенном состоянии организма от алкоголя, я уперся в дерево, которое росло как раз возле нашего гаража. Как же в природе все практично. Дерево очень старое. Одни ветки уже засохли, а на других – живут листья, держатся на ветках или держатся за них. Кто знает,

как оно? Нет, знает кто-то, конечно. Ботаники какие-то, да. Но не я. Так вот. Дерево местами с ободранной корой, но воспринимается в целом величественно, красиво. Не старо, а винтажно, как модно сейчас говорить. Интересно, то, что я сейчас наделал в туалете, может ли восприниматься так же «винтажно»? Ведь я тоже все сделал природно, скажем так. Это было мое естество. Что естественно – не безобразно. То есть, по логике, не нужно идти сейчас в магазин за чистящими средствами и освежителями. Квартира сама проветрится, подумал я и решил залезть на дерево. И на нем просидеть, проспаться всю ночь. Там как раз прекрасная «ниша» для меня из правильно растущих веток. В детстве лазил туда, часто спал там, когда родители ссорились или Гоша девок в хату водил, поэтому знаю «свойства и удобства» деревьев. Об этом на уроках биологии не рассказывают. Скудоумные учителя.

Умопившись на дереве, увидел, как Дроня продает наркоту... Огорчился, что не сядет он. Не сбудется моя мечта. Наркоту он менту продавал. Огорчение быстро сменилось злостью, злость сменилась усталостью, а усталость – сном. Звук маленькой зудящей твари и ощущение ее тельца у меня на глазу разбудили меня. Сейчас прольется чья-то кровушка. Гребаный комар!

– Сам ты гребаный, как и твой брат Гоша, между прочим. Загадил квартиру. Жить там невозможно. А у меня за столом твоим, Саня, дом был, на минуточку, да.

– Что за бред. Откуда голос? Нет же никого.

– Нет никого, значит? Ну-ну. Да я, возможно, единственное «гребаное», как ты сейчас сказал, существо, которое сопереживало тебе, живя с тобой в одной комнате. Мудило!

– Ничего себе, интоксикация алкоголем... Говорящий комар.

– Теперь Я – интоксикация... Отлично. Ладно, воспринимай, как пожелаешь. Только просьба от старого соседа по комнате, любящего тебя до недавних пор, Сань, и думающего о твоём американском будущем, которое стало уже прошлым. Вернулся, ага! Обосрался там, стопудово! Так я и предполагал. Просьба к тебе: не дергайся, пожалуйста, я ресницу у тебя забрать хочу.

– Бредятина...

– Не бредятина, а у каждого свои мечты.

– Отвали... Я домой. Может, Дроня мне наркоту каким-то образом впихнул. Воздушно-капельным путем... надышал, что ли. Такие глюки. Наркобизнес развивается, модернизируется, совершенствуется. Нужно слезать с дерева. Пока тебе, глюк, навсегда, надеюсь. Я домой.

– Я Комар, а не глюк, ущербыш! Я настоящий, а ты нет. В тебе только понты были всегда. Проспишься, возвращайся на дерево. Не веришь, что я не глюк? Тогда... посмотри за столом. Там мое жильё. И когда ты уезжал, ты написал всем малюсенькую оскорбительную записочку своими гадкими ручками. Всю семью обгадил словесно. Так вот, я ее

уташил. Не дал им прочитать. Найдешь – возвращайся, Властелин капец!

– Какие четкие голоса в башке, и вижу тебя... Все-все-все! Ушел я спать домой.

– Вали-вали, бородатый мальчик. Побрейся!

Я бросился в квартиру, чтобы выпить воды или успокоительного. Или чего-то еще. С порога меня сразу взбодрил запах, оставшийся от вчерашнего меня. Нужно было бы все же прибраться... Прикола ради кинулся за стол и... увидел записку, а также странный маленький «сноп» синеньких ниточек. Записка действительно была моей. Видимо, мама ее не прочла. Точно не прочла, потому что она бы не общалась со мной, не звонила мне в Америку. Я писал там, что виновата большей частью она во всем, потому что «не надо было «сношаться» в семнадцать лет, чтобы родить угрѣбыша Гошу, получить свекровь-антихриста и беспомощную соплю в бытовом плане в виде мужа-карьериста. Учиться надо было, мама! Образование получать, а не делать дом, свое сердце, да и живот (рожала же Гошу), пристанищем для глисто-человеков».

Да... что-то о себе я не вспомнил в этой записке. Господи! Каким же я был, да и остался, наверное. Не прочла, точно не прочла. Может, комар существует? Нужно к дереву пойти. Я открыл дверь и:

– Меня искать идешь, паршивец? – услышал я уже знакомый голос в подъезде.

– Где ты?

– Во-первых, не ты, а ВЫ. Ты же мне не поверил, что я существую. Я вправе обижаться. Теперь называй меня Уважаемый Прекраснейший Комар. Сокращенно УПК.

– УПК – это уголовно-процессуальный кодекс.

– Тем лучше. Впредь слушаться будешь меня, неуклонно следовать моим словам и советам.

– Так, откуда ты вещаешь?

– Я сижу на коробочке для проводов интернета. Мое условие: выгребь дерьмо из квартиры, постирай, приберись хоть малость в своем доме. Мой дом (за столом) не трогай. Нитки не трогал?

– Нет, что за бред. Зачем они тебе?

– Вот потом и поговорим. Я хочу жить у себя дома, так что «працуй» давай. Я вернусь, и мы поговорим.

– А зачем мне с тобой разговаривать?! В благодарность, что мою записку утащил? Спасибо, благодарю, но убираться в квартире я не буду. Убираться по твоему велению – ну нет! А поговорить... Мне есть с кем поговорить. У меня много тут друзей осталось.

– Отличненько, друзяшек много, да? Сейчас мы их и пересчитаем! Я ведь тут жил последние годы. А тебя – не было. Я все о всех знаю. Дроня-кривоножка – наркоторговец и по совместительству скот. Вчерашний ваш разговор я подслушал, так что... Далее – Виктор – конченное пятнышко. Тоже твой лучший друг-заводила по школе. Сейчас он завел себе

рыбок дома, завел себе инфекцию ВИЧ и завел привычку брать у всех деньги в долг. У него ВИЧ, все об этом знают, знают все, кроме его девушки. Мило, да? А почему? Потому что он любил экспериментировать с проститутками, параллельно встречаясь с Наташей или как там ее. Думаю, что слова «как там» скоро для Наташи станут первыми и главными. Начинать разговор с ней будут именно с этих слов. Именно так, зачастую, обращаются к больным людям. Тем более... ВИЧ. Узнает она об этом, узнает. От врачей когда-то. Так... Далее... Остальные твои пережились и перестали общаться со старыми друзьями. Все в семье. И это правильно, потому что они женились по любви. Удачно женились. Не то что ты! Не будут они с тобой общаться, так как ты скрыл свою женитьбу от них, не пригласил на свадьбу и т. д., отношения с Верой держал в секрете. Ты исчез, а через год они узнали об этом от твоей бабушки, которая сказала им, что они тебе (твои друзья) не пара, не пары. И нечего «челядь» всякую звать на праздники-торжества. Подарка от нищих не получишь хорошего. А хороший подарок – это дорогой подарок. Но вот все твои не слишком зажиточные школьные друзья разбогатели и удачно женились. Полная чаша, чаша дорогого вина, а не чаша водки с энергетиком, что была у тебя вчера.

– Боже... А Стас? Тот интеллигентный мальчик, который в школе не пил и всегда давал мне списывать. Да и советы по жизни хорошие давал.

– Умер.

– Как? От чего?

– От диабета. Ты не знал, что твой «интеллигентный друг» диабетик?

– Нет.

– Сань, да ты шикарный друг. У него остался сын, жены не было, нет и, соответственно, уже не будет никогда. Отдала она ему ребенка, кинула, короче, его и его родителей. Интеллигенцию всегда разводят.

– Все стало так плохо, Комар?

– Все было так плохо, Александр! Ты не хотел ничего замечать. Думал только о себе.

– Почему ты умеешь разговаривать?

– А почему ты не умеешь правильно жить, быть участливым к другим, да вот помириться с родителями хотя бы?

– Не знаю. Тупой вопрос.

– Тогда и я так же отвечу на твой вопрос.

– Хорошо, я не могу помириться со всеми, потому что мне в детстве уделяли мало внимания. Отец все деньги бахал в свой бизнес. Мама не работала, бабка наша свихнутая нахер. Я нищий, вынужден был жениться на Вере, этой жабе, которую имели все мои друзья. Это всем известно. И продолжает иметь ее вся Америка, но она думает, что это она имеет всех. Надеется привлечь богатого мужчину. Эта дурная жаба.

– Царевич на жабе женился.

– Спасибо за Царевича, конечно, Комар. Но женился, по-

тому что заставила. Выхода не было. Я женился. На жабе. Нужда припекла, красивой жизни американской хотел. Ей брак фиктивный нужен был. Мама моя счастлива была, что комната освободится. Бабушка надеялась, что я подорвусь в самолете. Либо терактом меня каким убьёт. Помнишь ее слова: «Гореть тебе в агонии страшной. Поглотит тебя тьма! Сдохнешь ты скоро. Увижу я этот момент».

– Она это говорила, потому что, когда приехала жить к вам «насовсем», вы не отдали ей две комнаты своей квартиры. Одну комнату, самую лучшую, твою детскую, вы ей отфигачили все же. Проиграли так паскудно комнату. Это была единственная комната с новым ремонтом. А вторую комнату она хотела определить под склад банок консервированных, своих заготовочек, мутантных чернобыльских помидорищев и огурцищев. Типа кладовка.

– Она шизуха. Ты же знаешь. Утро начиналось с фраз «Что же ты не сдох во сне? Весь день мне перепортил своим существованием. Придется молиться, чтоб следующей ночью заснул навечно, чтоб забрали тебя демоны». А я ей отвечал, что я скоро от всех вас уеду за границу, открою дело в Италии, свой офис, и о вас даже не вспомню.

– А она отвечала, что офис у тебя уже давно открыт. В твоей голове. Название офиса «ПиЗа». В расшифровке – «ПИ*дюк» и «ЗАсранец». И будешь жить ты с этим офисом, пока его не закроют, пока не прикончит тебя кто. И, по сути, в этом она права. Ты же не добился ничего.

– Для того, чтобы добиться, нужно иметь стартовый капитал.

– Или для начала, Сань, прибраться в квартире, а потом идти мириться с отцом, мамой и устраиваться на работу.

– Все, затыкайся! Ладно, раз уж я так попал. Приберу в квартире. Друзей, как оказалось, у меня ведь нет уже. Буду с тобой. И замолкай давай. Мы на лестничной площадке как-никак. А то соседи подумают, что я сам с собой болтаю. Сам себя спрашиваю и отвечаю.

– Не подумают. Они же не ты. Они на работе все. Некому тут слушать и думать.

– Хорошо, Комар, я приберусь и вечером позову тебя.

– УПК, а не Комар!

– Комар! Комар! Комар!

– Ладно, сойдет, лишь бы прибрался. За столом не трогать ничего!

– Да понял-понял.

Глава 2

«З Містер Похер веселіше, прибирати вдвічі швидше. Містер Похер!»

Вычистил квартиру, отмыл, но вонь от чего-то осталась. Непонятно, от чего только. Пусть Комар объяснит. Он же все у нас знает. Вышел на лестничную площадку:

– Заходи! Или ты там провода интернетные жрешь?

– Интересные познания о насекомых у тебя, об их быте, пище...

– Так ты же у нас необычный. Давай!

Влетев в квартиру, Комар одобрил мою вычистку квартиры молчанием.

– Ну... че молчишь, удачно я все сделал? Никаких нареканий? – спросил я.

– Хорошо, чисто. Чистая советская квартира получилась. Старенькое все. Мебель нужно тебе поменять.

– Больше ты ничего не хочешь?

– А ты, Сань, хочешь, чтобы продолжало вонять?

– В смысле?

– Твой братец Гоша не зря все шкафы позакрывал. Ключи найдешь в ванной комнате, на полочке, в бумажке за бритвенным советским станком. Экономные вы люди. Ничего не выбрасываете.

– Ну нашел, какие шкафы открывать?

– Все. И не матерись.

– Я и не начинал!

– Вот и не начни.

Я принялся по очереди открывать шкафы. В нос ударила вонища, стала разъедать глаза. Жаль, что глаза не вытекли от вони, так как то, что я увидел в шкафу...

– Блять, все шубы зассаны! Сука Гоша!

– А я говорил – не матерись!

– Комар, что тут было? Все мамины шубы, кашемировые пальто зассаны.

– Гоша девушек водил, шубы им дарил мамины. Ну как

дарил... Не дарил. А давал поносить до момента «поймать». Потом забирал шубы обратно. Гоша же любит «алкогольно» погулять. А когда много вливается в человека жидкости, то и вытекает немало. Понимаешь?

– Нет, не понимаю.

– Пил Гоша, пили его девки. Организм девушек самоочищался на шубы и пальто. Гоша все эти вещи не выбрасывал – зачем добру пропадать? Ведь можно в химчистке потом обновить. А пока – складировал по шкафам.

– Мама моя знает?

– Да, она же вам с Гошей никогда ничего не запрещала. Молодежь. Что поделаешь? Мать у тебя прибацаная, конечно. Извини.

– Э... Без шкафов прожить можно, я сейчас мигом от них избавлюсь.

– Понятно, пойду еще дней пять на лестничной клетке посижу, пока все не разгребешь.

– Сказал сейчас, значит сейчас.

Я быстро расфигачил все тряпки и меха по пакетам. Выкинул на помойку. После взял топор и расхерачил все шкафы. Доски пошвырял с балкона. Марафонил всю ночь. Спринтерский бег с досками к помойке и обратно. Пришел домой. Завалился спать. Маленькая писклявая тварь снова была у меня на глазу.

– Слезь!

– Еще одну ресницу у тебя заберу и слезу!

– Зачем тебе ресницы, зачем нитки голубые? Ты же Комар.

– Я джинсы хочу голубые с черным поясом. Мечта такая. Не лезь мне в душу.

– А ты не лезь мне в глаза!

– Ресницы на пояс пойдут. Я так думаю.

– Ресницы человека – в джинсах? Ты каннибал. И... извини, конечно, но джинсы на твои ноги непонятные...

– Иди в «Википедии» почитай значение слова «каннибал». Тупыш! А что это не так с моими ногами, по-твоему, а? Они у меня длинные, если ты не заметил! Я смотрю всегда на людей, идущих по улицам. То есть толстожопно-толстоножным или кривоножным теткам можно носить джинсы, а мне нельзя, да?!

– Ну... бабцы они такие... А ты... – я не удержался от хихиканья.

– Че ты начал ржать?! Ты-ты-ты... А ты... безмечтательник.

– Кто?

– Мечты у тебя нет! А у меня есть. Вывод: я романтическое, высокодуховное существо. А ты – нет.

– С какого возраста ты меня знаешь, УПК? В расшифровке – Упоротый Подгрёбыш-Кровопийца.

– Не буду на тебя обижаться. Покажу этим свое превосходство над тобой. И кровь я не пью. Тетки (это по-вашему) у нас, у комаров, кровь пьют. Самки в смысле. А я...

Я пробовал кровь, да. Признаюсь-каюсь, было дело. Мне от нее плохо, а людям плохо от меня. Были случаи. И после этих случаев меня моя родня называла «педиком» (по-вашему) или «бабой». Но я не обижался, нет. Я Комар-социопат. Я в сородичах не нуждаюсь, а уж в их оскорблениях и подавно... Неважно... В общем, поэтому я так долго живу. А тебя я знаю с твоих двенадцати лет.

– Вот и отлично. Почему я такой злой на всех. Родители часто уезжали в командировки или отдыхать, или туда, где нас с Гошей и бабкой нет. Оставляли меня на Гошу. А он меня с трех-четырёх лет привязывал веревками под столом, ставил под стол стакан с водой и открытую баночку с детской пюрешкой. Так я и сидел под столом, пока он не приходил. Бывало, что затягивалось это на часов пять-шесть. Я не злился, не сердился тогда на Гошу, потому что он мне говорил: это у нас игра такая! Бабушка не заходила в комнату, хотя знала, что Гоша вытворял, как бросал меня. Она таким способом издевалась надо мной. Это я уже сейчас понимаю. А тогда... Тогда я слышал, как она стонет и просит о помощи, кричит, что у нее болит сердце. А я не могу помочь, так как привязан. Она зовет меня на помощь, а я сижу и не могу отвязаться, как поросенок, загнанный на убиение. Она кричит, что я буду проклят и смерть ее останется на моих руках, ногах и поселится навечно в моем сердце и голове. Это я цитирую ее. А я «тогдашний», Боже... я плачу-плачу. Кричу: «Бабушка, не умирай», а она мне проклятия шлет. Чувство

такое, когда ты привязан... Желание вбиться в пол или в стену от этого всего. Весь в слезах, нос закладывается соплями и дышать так сложно...

Я сглотнул подступивший к горлу комок.

– А один раз я обписался от страха, что бабушка помрет, а я буду проклят. Это было летом. Точно помню. Гоша пришел, увидел и стал заливаться злобным смехом. Перед тем как отвязать меня и вытереть все... поставил песню Игоря Талькова «Летний дождь», чтобы я запомнил этот «прекрасный» день навсегда. В будущей моей жизни, когда у меня случались проколы разнообразные, Гоша всегда ставил эту песню. С тех пор я и ненавижу песни о дожде, лете, не хожу в зоопарк, обхожу собак, которые на цепи в будке. Меня тилипает от цепочек и этих красных буддийских «веревочек-желаний». Мои американские чихуахуа без поводка бегают. Один раз Вера на них поводок надела. Я так распсиховался, что все платья ей в шкафу порезал. Не признался Вере в своем психозе и припадке. Сказал, что это собачки сделали, а сам отдал ей все свои сбережения на новый гардероб.

Я на минуту умолк.

– Еще случай с Гошей в детстве был. Гоша часто любил гулять со мной в разных общественных местах, парках всяких... Людных, многолюдных местах. Всегда на прогулках покупал мне именно шоколадное мороженое, даже если я его об этом не просил либо же просил его купить мне какое-нибудь другое мороженое. Но нет, он покупал только шоколад-

ное. И это было неспроста. Я ел мороженое и жутко запачивался им, половина моей рожицы всегда была коричневой, что уж говорить об одежде. Я не понимал тогда, почему все дети кричали мне: «О, говнюшка пришла». Я спрашивал брата, почему они обзываются. Он отвечал: «Потому что они тебе завидуют, ведь у тебя лучшая одежда в мире, на тебе сейчас самые крутые шмотки. Из магазина «Секонд-хенд». Запомни это. Гордись этим и так всем отвечай». Я так всем и отвечал, после чего... сам понимаешь... все становилось еще хуже.

Переведя дыхание, я продолжил:

– Когда мамочки этих детей подходили к моему брату и говорили, что же ты, мол, дорогой человечек, за братом не следишь. Вытри хотя бы ему лицо и объясни, что значит «Секонд-хенд». Гоша с милой грустью и печалью в голосе отвечал, что он практически незрячий. В это можно было поверить, так как он никогда не снимал темные очки и ходил очень медленно и осторожно. Когда шел, то крепко держался за меня, вдавливал меня своим весом в землю, гад! Что-то я отвлекся. Так... без эмоций дальше. Он говорил, что плохо, очень плохо видит, а даже если бы и видел хорошо, то ни в коем случае не стирал бы шоколадное мороженое с моей рожи и другим не советовал бы. Объяснял он это мамочкам следующим образом: я, Саша, приемный сын. Мои биологические родители были убийцами, а мне это все передалось. Раньше я мазался красной краской, типа кровью, а сейчас

перешел на шоколадное мороженое. Говорил, что мой психиатр эту тенденцию одобряет. И мешать моему выздоровлению не надо. Такой у меня Гоша... Ладно, проехали. Короче, с тех пор я не плачу и никому не сочувствую, ясно? Ибо все близкие, в особенности наша бабушка, развлекаются так. «Умиранием» вечным, вызыванием сочувствия. Гоша о своих воспитательных моментах родителям не рассказывал. Рассказывал им об этом я. А они мне: «Ты наговариваешь на брата, потому что мы купили ему велосипед, а тебе конструктор. Не расстраивайся, вырастешь – все тебе купим». Я вырос – не все мне купили. Я хотел свой бизнес делать, а не работать на отца. Поэтому я в обиде. А мечта у меня есть. Я хочу быть таким, как вот тот парень, который работает неподалеку от нашего двора. Хочу такой же мерседес, офис и шмотки, как у него. Я зову этого парня Пальчевским. Он похож на бизнесмена Пальчевского. Только намного моложе, естественно.

– Это не мечта. Это цель. Мечта – это что-то воздушное, неординарное. А у тебя желание простецкое. И ты стал таким, каким ты есть, потому что брат привязывал тебя. Нужно быть не как Пальчевский, а им, прожить то, что он прожил, чтобы все это у тебя было.

– Подобный бред кто только ни несет. Почувствуй эмоции другого... Ересь! Он богат, потому что у него нет эмоций. Я уверен. Он счастлив. Нужно просто понять секрет его успеха. Нужно переть напролом, как он.

– Тупица ты, Саня. Но... могу передать тебе на время секрет его успеха. Хотя думаю, что у этого парня, у Пальчевского, куча проблем. И бизнес он на проблемах и эмоциях своих построил.

– Отличная идея. Залети к нему в офис и прочитай бумаги, че он там мутит.

– Не буду я ничего читать, Сань.

– Конечно, ты же Комар. Ты читать не умеешь.

– Умею я читать. Получше тебя. Кто записку от родителей спер? Я. Почему? Потому что прочитал ее. Ты такой идиот. Ты, Сань, установить причинно-следственную связь не можешь.

– Умничаешь, тщедушная гундосая зверюга.

– Насекомое!

– Зверюга! Как хочу, так и называю. И как же ты узнаешь секрет Пальчевского?

– Укушу его, а потом укушу тебя. И тебе передастся та эмоция, благодаря которой он построил себя и свой бизнес.

– Че ты мне втираешь тут, Анатолий Кашпировский!

– УПК, пожалуйста. Называй меня так.

– Хорошо. Че ты мне втираешь, Угрюмая Подлюжная Козявка.

– Ох получишь ты... И не от меня. Соглашайся на эксперимент. Да, у меня есть такое свойство. Я кровь не пью, а передаю эмоцию через кровь. Одну эмоцию. Самую главную. Было такое в моем детстве. Я укусил двух выпускниц школы.

Одна – Настя – толстая, закомплексованная пианистка. Настя никогда не играла на концертах. Боялась. Когда ее просили сыграть, она собирала свои вещи и уходила. После этого в школе дня три не появлялась. Только в классе, на перемене, она могла на пианино «сбавать» что хочешь. На слух «копировала» любую мелодию. Другая девчонка – Нина – худосочная сверхраскрепощенная, вечно подвыпившая примитивная художница. Рисовала везде и всегда свои.... Хм... собаки-кошки тоже справляют везде и всегда свои нужды. В общем, рисунки Нины были похожи на освобожденные из организма животных «нужды».

Я невольно отплюнулся.

– Так вот. Я решил помочь Насте. Укусил Нину и сразу же укусил Настю. Думал, что Насте передастся гиперуверенность Нины и она начнет играть на публике, на настоящих концертах. Благое дело. В итоге Настя стала подбухивать. И даже сыграла один концерт. После которого ушла в запой. А вот Нина... Нина резко потолстела. Я узнал почему. Все из-за «слушанья» советов других людей. Настя-пианистка была почему толстой? Потому что на медосмотре в первом классе медсестра ей сказала: «Ты такая худенькая, есть надо». И она начала есть... Превратилась в маленький танк. Кстати, Нина бухать перестала. Так что, я сделал свое дело, хоть и не так, как планировал, конечно. Суть в том, что я малость волшебный. Я такой, *magic is in the air*. В конечном результате все потом у девчонок в жизни устаканилось... го-

да через три, правда. Я узнавал. А так ниче... Много таких случаев было. Я увидел закономерность, поэтому перестал пить кровь. А мои сородичи после этого со мной вообще не общаются, даже обзывать не хотят. Да и, в принципе, у нас не принято в семьях особо общаться. Только кровушку и пить... и все. Прямо, как у тебя в семье, только кровушку денежкой заменим, а «пить» заменим «копить».

– Какая душеспалательная история, какая трогательная жизнь у тебя, Комар. Я чуть не расплакался. Ай-яй. Ая-я-яшеньки. Ой-ой-ёй-ёечки. Трудно в бред этот поверить, но – меньше слов, больше дела. Проверим тебя.

– Не боишься жизнь себе этим испоганить? Я же сказал, что результат будет плохим. Думаю, что будет плохим.

– Сколько пафоса в словах. Итак... завтра, как и всегда, Пальчевский рано утром поедет в магазин покупать себе бананы, йогурт и булочку на рабочий день. Видишь, он крут. Следит за собой! Я тоже буду вести здоровый образ жизни, лишь бы бабла столько же получить, сколько он.

– А не проще, Сань, с отцом помириться, забыть все плохое. Попроситься на работу к нему в ресторан. Помогать, быть в семье, по крайней мере стараться быть в семье. Развестись с Верой, найти хорошую девушку...

– Как бабка старая ты.

– Ну не как твоя, заметь. Твоя бы в очередной раз в ад тебя послала.

– Не спорю, послала бы. Ты, как бабка на скамейке, бабка

обычная, бабка среднестатистическая.

– Сейчас, Сань, бабки на скамейке такая же редкость, как и говорящие комары со сверхспособностями. Мало бабушек осталось. Особо не сидят на лавках. Я сколько летал – мало их видел.

– Комар-демагог. Удивительно. Так, я не закончил, сверхспособный ты мой. Завтра в магазине мы будем вместе с Пальчевским. Он пойдет к кассе, мы за ним. Я буду с тобой разговаривать. О Боже... меня посчитают сумасшедшим. Я не смогу с тобой переговариваться.

– Тупишь ты, тупишь. Мы живем сейчас в веке, когда психов не отличают от нормальных людей.

– Мы живем в веке слепоглухонемых людей. Или что? Что ты несешь?

– Сань, можно спокойно делать вид, что ты разговариваешь по телефону с кем-то. В наушниках. Только наушники надень. А я буду сидеть в кармане твоей рубашки или на башке, в волосах валяться буду. Вот и все. И шептать.

– Шептать... глазить... наговаривать... порчу наводить.

– Иди ты на...

– Ладно, шучу. Короче, Пальчевский у кассы, ты его кусаешь, а потом кусаешь меня – и я живу гипербогато. Если я не живу после этого гипербогато, ты получаешь мегаподсрачник.

– Идет! Интересно увидеть и узнать, как можно дать комару подсрачник, причем еще и мега. И ты не можешь все

знать об этом Пальчевском...

– Он проекция моей мечты! Мечты увидеть себя в его роли. Конечно, я за ним следил. Так что не ной... Идем завтра утром в магазин!

Глава 3

На следующее утро все случилось так, как и планировалось. Мы подождали Пальчевского, подошли к кассе вместе с ним. Комар его укусил и:

– Ну-с, сейчас проверим твои волшебные свойства, – саркастично сказал я Комару.

– Та... шутил я. Нет у меня никаких свойств, в общем.

– И на кой тогда я так рано встал и поперся в магазин?

– Сань, ниче...

– Все, идем домой, я спать хочу.

Всю дорогу Комар молчал. Пришли домой, Комар продолжал молчать.

– Что-то ты мутный, друг.

– Сань, все нормально. Не мутный.

– Признавайся!

– Мне не в чем признаваться... – неуверенно сказал Комар.

– Признаешься, в чем дело, джинсы для тебя пошью.

– Клянешься?

– Клянусь, Комарище. Колись!

– Я укусил Пальчевского, но... но сзади меня возле кассы стояла какая-то дура с веером, и после укуса Пальчевского

я укусил ее, и еще какую-то блондинку в бородавках. Я не виноват, меня ветром от веера откинуло.

– Придурок... Хилый придурок! Ну и что с того, что всех там раскусал-закусал?

– А то, что если я укушу тебя, то тебе передастся не только главное качество характера или главная эмоция Пальчевского, но и что-то от этих двух баб.

– Во-первых, в твой волшебный маразм я не верю. Во-вторых: кусай, так как я хочу, чтобы ты проиграл спор. Я давно ни с кем не спорил. Хочу доказать свою правоту. Ты обычный комар, только говорящий...

– И читающий, и анализирующий... Пальчевский был грустным, очень. Он всегда такой?

– Не грустный, а серьезный. Всегда. Это мега. Я тоже таким буду. Он серьезен, но любит перемены и обновления. Вчера я видел его, у него был другой айфон, а сегодня утром возле кассы... айфон-то новый. Каждый день одежду меняет, часы наручные – тоже. У него две машины. Меняется он только в лучшую сторону. Помню его еще с тех пор, когда я учился в школе, никуда не уезжал. Пальчевский всегда в чем-то новом или всегда с чем-то новым.

– Не нравится мне эта изменчивость...

– Бла-бла-бла... Кусай! Хочу, чтобы ты проспорил!

– Хорошо, Сань, получишь ты сейчас. Только потом не гунди!

– Стоп. Вопрос: эти бабы, которых ты укусил, были хоро-

шо одеты?

– Да, я посмотрел. Я запомнил их. Это очень важно. Потом поймешь. Одеты отлично, а та, что в бородавках, владелица лексуса.

– А та, что без бородавок – не кассирша хоть?

– Кассирши, debil, на кассе сидят. Нет, не кассирша, у нее был суперовый телефон, хорошая помада и дорогие духи. Знаю точно, потому что у меня аллергия только на дорогие духи. Подтошнило меня. Дешевые – нормально. В них же не добавляют концентратов разных...

– Вот и славненько. Кусай!

– Ох... нянчиться мне потом с тобой... И поклянись, Сань, что джинсы мне сделаешь.

– Клянусь! Тем более, что это мне не придется делать. Я в тебя не верю, летающее зудило.

– Угу-угу... Я уже тебя укусил.

– Было вообще незаметно, а магия должна «замечаться», как в мультиках.

– Ночью «заметится» тебе все, Сань.

– Ладно, я сейчас в магазин пойду. Тебе что-нибудь купить?

– Чай для психов.

– Как это?

– Я люблю мелиссовый чай. Нюхать его люблю, сидя на краю чашки.

– Жесть, конечно, ты говоришь, но куплю.

– Сань, когда придешь, не зови меня. Мне нужно проблематься от кровушки, а потом я усну. Буду у себя, за столом. Завтра утром поговорим. Не трогай меня сегодня.

– В шоке, иди давай, дистрофик. Чай куплю.

Глава 4

Пошел в магазин, купил бананов, йогурта, чай Комару, воды минеральной, сосисок. Начинаю быть похожим на Пальчевского. Сразу питаться, как он, для меня нереально, поэтому несостыковочка с сосисками выходит. Он-то их не ест. Негоже владельцу мерседеса сосиски есть, а вот владельцу Комара – вполне. Сойдет.

По дороге домой встретила мне Рита. Рита... Рита... Нужно выбросить это слово из головы. Замену. Рига... Рига... На фига мне этот город?! Вот так! Город Рига мне не нужен, значит и Рита не нужна. Логика. Железный человек я в мозговом плане. Красивая, независимая, сильная... Как она мне в школе нравилась... Я не о городе. А я ей... Идет навстречу мне... Идет... Идет, как Фредди Крюгер в сон. Ну ее.

Я кинулся через дорогу и завалился в первое попавшееся такси. Сказал водителю, что проедемся по центру города. Зачем оно мне надо? Отвечу. Это уж намного лучше встречи с Ритой, намного. Зачем мне встреча с Ритой? Не... ну... нужна, конечно, но не сейчас. Тогда, когда Пальчевским стану. Тогда и Рита нужна будет. Точнее, я ей. А сейчас что я скажу? Привет! Как твои дела? Нормально, да? Выглядишь

отлично. А я вот... из Америки приехал. Там у меня жена. Да-да, вот та, которую дразнили «Ирка-дырка», хотя зовут ее Верой. Почему Ирккой дразнили? Не знаю, загадка. Вопросы к «дырке» не задавали. Ага... Женат я, собачки три у меня, обсирушные собачки, засирушные. Работал три года на стройке, так сказать, английскую речь свою развивал. Матерную, правда. Приехал сюда... Все супер. Друзья... Дроня хотел батю пришибить моего, да. Но я не согласился. Не согласился. Плюс это мне.

Душевный я. Родителям не звонил, не говорил, что приехал. Не хочу. Работы нет... Но уверен, все будет отлично, ведь... ведь стройку же тут можно будет найти. Не знаю, на что я еще горазд. Ах да... Мой лучший друг теперь – Комар. Настоящий Комар. Во всех смыслах «настоящий». Не то, что я. А я такой мудила, что гноблю его, а признаться стыдно, что он мне нравится. Я ему аж две пачки чая купил. Настолько его полюбил. Последний раз подарок делал только Вере. Принудительно, конечно. Она мне сказала, что разведется со мной. Я грин-карту хотел, а не развод. Так что купил ей собачек – за кучу баксов. Больше подарков в своей жизни никому не делал. Хотя... нет. Вру. Тебе, Рит, делал. В детстве. Я шоколадку лет в тринадцать тебе подарил и пазл.

От своей честной ущербности меня стало укачивать в такси, я заплатил и вышел. Заплатил... Да, заплатил я за все, что наделал. Мне двадцать три, а я столько напортачил, что стыдно теперь подойти к девушке, которая всегда мне очень

направилась и с которой много лет знаком, но ни разу особо не разговаривал. Она же такая сильная. У нее никогда не было друзей. И я ей в этом жутко завидовал.

Мне тоже друзья были не нужны, если честно, но признаться себе в этом я не мог. Признать, что я одиночка... Нет, одиночки не были и не будут никогда считаться в школе крутыми. Но это бред. Крут ты тогда, когда один и не боишься рассчитывать только на себя. Рассчитывать бюджет, эмоции, время... только на и для себя.

В школе мне было скучно, нудно и тошно от этих всех «дружеских» посиделок, вылазок и «влазок» в разные дела. Мои друзья сродни киношной массовке. Нужны были мне (как и я им) только для картинки, для общности, сплоченности... стадности. Но лиц из массовки особо никто не запоминает. Что уж говорить о душе... Главное, чтобы картинка запечатлелась. Друзья действовали на меня так, как незапакованный кусок селедки в холодильнике действует на все продукты, находящиеся в нем. Фрукты, мясо, сладости – все вбирает в себя запах селедки. Сначала подтягивается запах, а за ним и вкус. Думаю, понимаете, о чем я.

Некоторым людям нужно оставаться одиночками. Без разницы, «селедки» они, «торты», «фрукты» или «овощи». Лучше оставаться одному, нежели вбирать что-либо в себя. Вернемся к главному, Рита красивая, чистая, честная, сильная, умная, добрая, а я... женатый бородатый мальчик-мудак. Я долго еще шлялся по улице. Ловил запах Осени. Чув-

ствовало, что снова нагрянут перемены. Это витало в воздухе. Запах кабинета, где кровушку для анализов берут, знаком? Вот. Точно так же для меня пахнет Осень. Нужная, важная, непонятная пора. С кровушкой-то все понятно. Откуда идет, куда попадает. Когда кровь переливают-перекачивают из вены в шприц, из пальца в колбу, то виден процесс и виден результат. С Осенью же не так все однозначно. Она «переливает-перекачивает» мысли, чувства, жизнь. Виден только процесс, а результат не виден. Куда все уходит... неясно. Совсем я загрустил.

Пришел домой, тихо прокрался, чтобы Комара не разбудить. Нажрался он кровушки сегодня всякой. Пусть отходит, дурилка. Думает, что он волшебный. Куриные мозги! Хотя... я тоже о себе так думал, когда отсюда уезжал...

Заварил стакан мелиссового чая, поставил к дому Комара, то бишь за стол. Вроде не разбудил. Молчит. Пусть запах чая его обрадует. Хотел же. Моя мама тоже мне в детстве мешочек с лавандой под подушку клала, чтобы сны приятные снились. Эх... давно это было. Тогда родители были адекватными, не гуляли. А если гуляли, то только вместе. Да и Гоша мне тогда нравился. Может, весь секрет был в лаванде? Так и буду думать, так и буду свою жизнь объяснять. Во всем виновата лаванда, когда перестала мамиными руками класться под подушку. С того момента все наперекосяк и пошло. Что-то я слишком «семейным» стал. Странно. Я о родителях три года не думал. Ладно, спать.

22.00 – если все умрут, а я останусь, то с кем я буду говорить?

23.00 – если я умру, то кто со мной поговорит?

00.00 – если все будут живы и будут молчать? То сколько лет эта мука продлится?

01.00 – я буду молчать до восьмидесяти лет. За это время точно не помирюсь с родителями, а свои дети...

02.00 – бред. Какие дети? У меня же собаки и Вера.

03.00 – у меня всегда будут собаки и Вера.

04.00 – и только они. Как сердце бьется... Как хочется спрятаться... Я встал, укутался в одеяло. Посидел на кухне. Выпил чай.

05.00 – всю жизнь только с Верой. Родителям трудно. Я во всем виноват. Поговорить бы. Надо что-то менять. Кухня с чаем не помогла. Залез под стол. Моя слеза упала в чашку с чаем Комара. Боже, я спаскудил ему чай. Как стыдно. Вылез из-под стола. Что-то не било меня так давно, даже на Гошу не злился. Забыл, что он меня под столом привязывал.

06.00 – стал переставлять мебель в другой комнате.

– Сань, чего шумишь? Я так хотел поспать! Шесть утра. Знаешь, я был рад, что ты приехал, но сейчас... Ты что, по стройке скучаешь, что так рано встал?

– Прости-прости, я так... Не знаю, что со мной происходит. Не по стройке, нет. Я всю ночь не сплю. Мысли какие-то странные. О жизни. Смерти.

– Жизнь бесконечна, Сань. Так как мы живем в бесконеч-

ности. Для нас нет рождения и смерти. В памяти этого нет. Есть бесконечная жизнь. Она прекрасна. Иди спать. Думаю, мои слова подействуют. Я охрененный психолог. Надеюсь, ты внушаем. И мне нужно от кровушки еще проблеваться...

– Иди-иди, Комарик, иди. Я еще чая тебе заварю.

– Страшно что-то тебя бросать в таком подозрительно благостном состоянии. Чего мебель таскаешь? Я же еле-еле уговорил тебя прибраться, а тут такая активность. Энергетика выпил?

– Не может хороший человек, желающий получить прекрасное будущее, в котором его все уважают и любят, в котором все чувства взаимны, жить так, как мы живем. В советской квартире.

– Я не понял, Сань. Кто-то с нами жить будет? Еще кто-то придет? Я против. Категорически. Ты демонишь, а тут еще кто-то. Нет!

– Я о себе говорю, о нас. Да! Родители могут прийти, посмотреть. А тут срач, ремонта нет, мебель – как попало, где попало. Я завтра же устраюсь на работу. На высокооплачиваемую работу. Ясно? Но... моя одежда. Нужно поменять. Нужно телефон поменять, а то увидит кто, а он у меня не последней модели. Побриться надо, одежду сменить и телефон. Телефон или... чехол от телефона обновить. Неплохо было бы чашки нам с тобой для чая купить. А то... Не эстетично выходит, да... Тем более, ты любишь сидеть на краю чашки. Думаю, сине-красную чашку купим. Большую, чтобы

на море была похожа с красным закатом.

– Что?

– Закатом красным, говорю. Где мой телефон, Комар?

– Телефон. По-моему ты мне уже говорил что-то о телефоне. Только не о своем телефоне. А о телефоне Пальчевского. Он же их постоянно меняет. Телефоны...

– Кто? Пальчевский? Наверное, он подбухивает. Теряет телефоны, гаджеты, часы и все остальное, поэтому так часто их меняет. Или меняет, потому что он богат. Деньги некуда деть. Все уже есть у него. Мне нужно телефон, одежду сменить, чтобы уллучшиться.

– Сань, ты уллучшаться не хотел. Ты хотел денег. И еще, помнишь, я сказал, что Пальчевский твой грустный. Проблемы у него душевные. И что сейчас я вижу?! Такую же грусть в глазах, но уже у тебя. Я прав. Передалась тебе хрень какая-то от Пальчевского. Ну что ж, ты стал прибираться, чашки хочешь купить, на работу пойти хочешь. На работу хорошую причем. Я рад. Не зря блевал, не зря меня тошнит. Выходит, парадоксально, но нормальный парень твой... этот Пальчевский.

– Я верю в «Чудо-йогурт», а не в Чудо-Комара. Ясно? Заруби на своем хоботке. Не парь мне мозг. Наверное, это все у меня из-за того, что Риту увидел. Девушку там одну.

– Знаю-знаю, Сань.

– Тебя не было тогда, когда я ее увидел.

– Я был тогда, когда ты деньги откладывал. Ей на подарок.

Что ты в итоге купил? Конфеты и пазл. Пазл исторический. Она историю любила.

– Кошмар! Как это возможно?

– Да, Сань, я тоже думал, как это возможно было столько денег на пазл вбухать? Ты еще рыдал, что соточку у тебя украли тогда. Из-за неимущества денег занял у кого-то. Не украли, за стол упала соточка твоя. До сих пор там лежит. Не отдам тебе, так как она на моей территории. Частная собственность. Все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.